

Дуншэн опустил занавеску, вышел к калитке и спросил:

— Кто там?

— Это я.

Услышав голос Юэжоу, он тут же открыл ворота.

— Поздно уже, почему ты пришла?

Юэжоу сунула ему в руки сверток из ткани:

— Это сухой паек. Возьми с собой в дорогу.

— Не стоило, я уже всё подготовил...

Дуншэн хотел было вернуть ей сверток, но, встретившись с её взглядом, вовремя прикусил язык.

Они молча смотрели друг на друга, пока Юэжоу наконец не произнесла:

— Если через восемь дней ты не вернешься, я не буду тебя ждать.

Дуншэн вздрогнул, но пообещал:

— Хорошо. Я обязательно постараюсь вернуться как можно скорее.

Юэжоу пристально смотрела на него, в глубине её глаз, казалось, застыли тысячи невысказанных слов. Она несколько раз открывала рот, словно собираясь что-то сказать, но каждый раз замолкала.

Дуншэн решил, что она просто переживает за него, и успокоил:

— Не волнуйся, со мной ничего не случится.

— Угу.

— Кстати, пока меня не будет, если выдастся свободная минутка, заходи покормить кур.

Юэжоу кивнула:

— Хорошо.

Затянувшаяся пауза начала тяготить Дуншэна. Хотя он и хотел взять Юэжоу в жены, они всё ещё были недостаточно близки, поэтому он решил сменить тему:

— Поздно уже, иди домой, отдохни.

— Тогда... я пойду.

— Хорошо, давай провожу.

Юэжоу покачала головой:

— Не нужно. Иди лучше поешь и ложись спать, завтра рано вставать.

Она бросила на него прощальный взгляд, полный невысказанной нежности, и развернулась. Дуншэн провожал её взглядом, пока она не скрылась из виду, и только потом вошел во двор.

После ужина он искупал Чжичжи и отправил его в дом, а сам остался перестирать одежду и собрать вещи. В главной комнате на печке томился отвар — из котелка доносилось мерное бульканье. Дуншэн, обернув ручку котелка тряпкой, перелил лекарство в миску, а печку вынес на улицу и залил угли водой из колодца.

Раз он уезжает на несколько дней, Чжичжи останется без отвара. Интересно, сильно ли это помешает его выздоровлению? Если Сюй Чжи так и не поправится, пусть остается у него как младший брат — всё равно у парня никого нет.

Сюй Чжи лежал на кровати и, увидев, что Дуншэн заходит с миской, нахмурился. Дуншэн поставил лекарство на стол в дальней комнате остывать. Достав из шкатулки ножницы, он поманил его рукой:

— Чжичжи, иди сюда, подстригу тебе ногти.

Сюй Чжи в своих рабочих ботинках подошел к столу и сел. Он послушно протянул руки в круг света от свечи, и его тонкие бледные пальцы отбросили на стол длинные тени. Дуншэн взял его за руку и, склонив голову, принялся старательно подстригать ногти.

Теплый оранжевый свет окутывал их, словно создавая маленький уютный мирок, защищенный от темноты. Наконец Дуншэн отложил ножницы.

— Готово.

Он коснулся тыльной стороной ладони миски, убедился, что отвар больше не обжигает, и сказал:

— Пей.

Услышав про лекарство, Сюй Чжи надул губы:

— Горькое.

— Горькое — значит лечит. Будь послушным, выпьешь — и болезнь пройдет.

Сюй Чжи, морщась, взял миску, подул на отвар и залпом выпил. Горький вкус мгновенно разлился по рту, его передернуло от отвращения:

— Уэ-э...

Хорошо, что не вырвало. И тут он вспомнил о двух конфетах, которые давал Се Вэй. Интересно, куда они подевались? Осмотрев пол и ничего не найдя, он присел на корточки и заглянул под кровать.

Дуншэн спросил:

— Что ты там ищешь?

— Конфеты.

Они и правда закатились под кровать. Сюй Чжи вытянул руку, достал их и радостно показал:

— Дуншэн, смотри!

Дуншэн бросил взгляд на конфеты в его ладони:

— Откуда они у тебя?

Сюй Чжи вдруг вспомнил сальное лицо Се Вэя, и ему стало неприятно.

— Тот плохой человек дал.

Дуншэн забрал у него конфеты и усадил на край кровати.

— Чжичжи...

— М?

Сюй Чжи, словно чувствуя вину, опустил голову и не смел взглянуть на него.

— Запомни: никогда не бери ничего у незнакомцев. Они дают тебе вещи, чтобы обмануть, а потом продать.

Сюй Чжи удивленно поднял глаза:

— Продать?

— Да. Завтра мы поедем в город продавать картофель. Если кто-то из чужих предложит тебе еду — не бери, понял?

— Угу, я понял.

Сюй Чжи покосился на конфеты в руке Дуншэна и невольно облизнулся. Дуншэн заметил это и вздохнул:

— В последний раз.

Он развернул фантик, поднес конфету к губам Сюй Чжи и добавил:

— Как съешь, прополощи рот.

— Хорошо.

Сюй Чжи с радостью взял конфету в рот.

Дуншэн почти не спал всю ночь и поднялся еще до рассвета. Он сварил оставшиеся яйца и картошку, чтобы было что поесть в дороге. Сложив еду в корзину, он прикрепил её к ручке тележки. Затем нашел сумку через плечо, сгреб в неё все мелкие деньги, что лежали под циновкой, и только после этого позвал Сюй Чжи.

— Чжичжи... Чжичжи...

Сюй Чжи приоткрыл заспанные глаза:

— М?

— Вставай, пора ехать.

— А...

Он привычно обвил шею Дуншэна тонкими руками.

— Обними.

Дуншэн помог ему сесть, одел его, обул и повел к колодцу умыться. После холодной воды Сюй Чжи окончательно проснулся. Дуншэн еще раз проверил вещи, убедился, что ничего не забыл, и они выкатили тележку со двора.

Рассвет еще не наступил, деревня тонула в серой дымке. Дуншэн вез тележку с картофелем, Сюй Чжи шел рядом. Попрощавшись с тихой деревней Цзаохуа, они двинулись в сторону города. Дороги в деревне были грунтовыми, сплошь в ямах и колдобинах. Дуншэн быстро взмок от усилий. Сюй Чжи, видя, как тяжело приходится его спутнику, почувствовал укол жалости и, не раздумывая, приложил руки к мешкам с картошкой, помогая толкать тележку. Дуншэн почувствовал, что стало легче, оглянулся и увидел, что Сюй Чжи, согнувшись, старательно упирается в груз. На душе стало тепло.

За деревней началась горная тропа, за которой ждало шоссе. Они шли под палящим солнцем, и к середине подъема Дуншэн, заметив впереди тенек, сказал:

— Чжичжи, не толкай больше, давай отдохнем.

Сюй Чжи поднял голову — его бледное лицо было покрыто градом пота. Дуншэн припарковал тележку у обочины, снял корзину и сел прямо на траву.

— Иди сюда, поешь.

Сюй Чжи, тяжело дыша, подошел и опустился рядом. Дуншэн вытер ему пот и протянул флягу:

— Попей.

Сюй Чжи сделал несколько жадных глотков, и ему стало легче. Дуншэн почистил яйцо:

— Ешь.

Сюй Чжи взял яйцо, заглянул в корзину — там оставалось еще несколько штук. Но Дуншэн сам ел только картошку. Сюй Чжи закусил губу и сунул яйцо ему в руку:

— Ты тоже поешь.

— Ешь ты, мне и картошки хватит, — возразил Дуншэн.

Сюй Чжи покачал головой:

— Нет, ты тоже ешь.

Он упрямылся, пока Дуншэн не сдался:

— Хорошо, хорошо, буду.

Перекусив, они немного отдохнули и двинулись дальше. Так, с остановками, они наконец добрались до шоссе, когда уже стемнело. До города оставалось еще часа два пути. Дуншэн остановил тележку и сел вместе с Сюй Чжи на траву.

— Чжичжи, устал?

Сюй Чжи, тяжело дыша, покачал головой:

— Нет.

Но его голос прозвучал как тяжелый, хриплый вздох. Дуншэн убрал с его лба влажные волосы:

— Еще два часа, и доберемся. Там и отдохнем.

— Угу.

Сюй Чжи не понимал, сколько это — два часа, но он верил Дуншэну. Пока Дуншэн рядом, ему ничего не страшно.

Ночь окутала всё вокруг. Они сидели на обочине и молча смотрели на бесконечную череду горных хребтов. Спустя некоторое время Сюй Чжи медленно повернул голову, глядя на твердый профиль Дуншэна, и невольно прислонился щекой к его крепкому плечу. Дуншэн подумал, что он засыпает, и взглянул на него сверху вниз, но увидел, что глаза Сюй Чжи — черные, сияющие, как звезды — смотрят вперед. Взгляд был ясным и спокойным, как у совершенно здорового человека.

— Чжичжи, на что ты смотришь? — спросил он.

Сюй Чжи указал вперед:

— Оно летит сюда.

<http://bllate.org/book/22446/2358926>